

«Живое» и «неживое» в винительном множественного

Вариативность форм

© К. Ю. ДАВЛЕТШИНА

В статье освещается проблема вариативности форм винительного падежа единственного и множественного числа. В настоящее время в современной русистике отмечается тенденция к постепенному вытеснению оппозиции «одушевленность – неодушевленность» оппозицией «название живого предмета – название неживого предмета», причем под живым предметом в языковом сознании говорящих чаще всего подразумевается предмет, способный к самостоятельному передвижению. Очевидная шаткость, нечеткость грамматического разграничения категории определенности и неопределенности способствовала смещению родительного и винительного падежей, начавшемуся в XVII веке и активно проходившему в XIX и особенно в XXI веке.

Ключевые слова: винительный падеж, родительный падеж, категории одушевленности /неодушевленности, метафорическое употребление существительных.

В современном русском языке винительный падеж является одним из косвенных падежей, который занимает преимущественную позицию. Функция винительного падежа заключается в обозначении прямого объекта: *построить дом, посадить дерево, родить ребенка* [1].

Может заметить, что в первом склонении в единственном числе у существительных в винительном падеже проявляется флексия –у, например, *люблю весну*. А во втором склонении в единственном числе у

большинства одушевленных существительных мужского рода доминирует флексия *-а*, например, *поймать зайца*, а у неодушевленных существительных преобладает нулевая флексия, например, *вытереть стул*. В среднем роде окончание находится в зависимости от ударения: флексия *-о* в безударном положении звучит как звук [а], флексия *-е* в безударном положении звучит как звук [и], в ударных позициях флексия *-е* не встречается, например, *вижу кресл[а]*, *вижу пол[и]*, но *вижу кольцо[о]*. В третьем склонении все существительные имеют в винительном падеже нулевое окончание, например, *вижу мышь, брошь*.

Во множественном числе противопоставление по категориям одушевленности/неодушевленности охватывает все существительные. Таким образом, выделяют окончания *-и /-ы* или *-а* для неодушевленных существительных (*вижу столы, парты, книги*) и окончания *-ов, -ей* и нулевое для одушевленных (*вижу учеников, птиц*).

В категории одушевленности/неодушевленности пересекаются и находятся в конкуренции формально-грамматические и семантические критерии. Семантически к одушевленным существительным причисляют живых, а также антропоморфных и зооморфных существ. А все остальные существительные входят в класс неодушевленных.

Выделим в сфере этой категории два класса лексем. Один из них объединяет слова, у которых значение одушевленности (неодушевленности) совпадает с формой одушевленности (неодушевленности) [2]. Другой класс образуют слова, употребляемые метафорически: это существительные «одушевленные», используемые для названия неодушевленных предметов, и существительные «неодушевленные», которые обозначают одушевленные предметы и явления [3].

Рассмотрим подробнее варианты, относящиеся к первому классу лексем. Здесь возникают проблемы, которые связаны с колебаниями в определении статуса самих объектов, в отнесении называемого существительным предмета к живым или неживым существам. Прежде всего, это касается слов, обозначающих типы консервов из некоторых видов морской рыбы, названия морских моллюсков, ракообразных, которые были популярны сначала в качестве экзотических блюд и лишь позднее – как живые существа: «Хотелось бы *крабов*, да если б не цены!» (Тихоокеанская звезда. 2013. 26 дек.).

Обратим внимание на то, что форма существительного *пиявки* находится в определенной зависимости от контекста, в котором она употребляется: склоняется в винительном падеже как существительное одушевленное в случае, если обозначает пресноводного кольчатого червя (*ловить пиявок*), и как существительное неодушевленное, если подразумевает существо этого вида, применяемое в медицине для отсасывания крови (*ставить пиявки*): «Именно поэтому я не советую ставить пиявки самостоятельно. Это почти хирургическая процедура, и делать

ее нужно в больничных условиях» (Сибирская Православная газета. 2006. № 4); «Давно прошли времена, когда, как Дуремар из “Золотого ключика”, пиявок ловили в прудах да озерах» (Факты и комментарии). 2000. 12 мая).

К первому классу лексем также относятся колебания в употреблении слов, называющих микроорганизмы [3]: *микроб, вибрион, бацилла, бактерия, стафилококк, стрептококк, пневмококк, зародыш, личинка, эмбрион*.

У слова *микроб* наблюдается, как правило, склонение по типу одушевленных существительных: «Но и на них имеется управа. Бегония, аглаонема, бересклет и антуриум станут надежным щитом на пути микробов»; «Например, фитонциды бегонии снижают количество микробов в комнате на 43%, а фитонциды хризантемы – на 66%. В помещении, где находятся, например, цитрусовые, розмарин, мирт, в воздухе намного меньше микробов» (Наша дача).

В то же время слово *вирус* выступает как существительное неодушевленное: «Любой желающий мог скачать вирус...» (Газета.ру. 2014. 18 янв.).

Д.Э. Розенталь писал: «Иногда отмечают, что слова бактерии, бациллы, микробы, зародыши, личинка, эмбрион употребляются как неодушевленные в общелитературном языке и как одушевленные – в профессиональной речи и в специальной литературе» [4]. Например: «Цинк убивает смертельно опасных бактерий пневмококков, сообщает научно-популярный журнал “Наука 21 век” со ссылкой на исследование» (Газета.ру. 2013. 13 нояб.); «Ученые научились изучать бактерии по ДНК из единственной клетки» (Российская газета. 2013. 27 окт.).

Слово *личинка*, однако, чаще используется в речи как существительное одушевленное, а вот *эмбрион* мы употребляем как неодушевленное: «“Прогресс М-22М” доставит на МКС золотых рыбок, личинок комара и червей» (Российская газета. 2014. 5 февр.); «В прошлом году в Китае геологи обнаружили окаменелый эмбрион животного, которому, по мнению эволюционистов, 600 миллионов лет» (Разумный замысел. 2012. № 23).

Добавим, что существительные, обозначающие названия лиц, стоят особняком, но мы можем констатировать тенденцию в наименованиях этой группы к употреблению в качестве одушевленных существительных. Это такие слова, как *персонаж, существо, личность, лицо, создание, жертва*: «Мы увидели много персонажей мультфильмов, в том числе и самого знаменитого – Микки Мауса» (Слонимская. 2014. 7 янв.); «Мастер оригами создает из бумаги удивительные существа» (Коммерсантъ. 2013. 25 сент.).

В группе слов, которую по функциям и облику мы не можем отнести к живым существам, также наблюдается вариативность форм [3].

Таковы, например, *робот, кукла, валет, король* (название карточной фигуры), *призрак, змей* (детская игрушка): «Люди выбрали роботов» (Коммерсантъ. 2014. 28 янв.); «Увидеть робота-помощника и робота-интеллектуала, познакомиться с творческими инновационными проектами могут посетители выставки научно-технического творчества молодежи “НТТМ – 2014”» (Новый мир. 2014. № 5).

Слово *кукла* обычно склоняется, как существительное одушевленное: «Резкий скачок в кукольном деле произошел на рубеже XIX–XX веков, когда французы придумали делать кукол из дешевого неглазированного фарфора (бисквита)» (Пятница. 2014. № 2); «Но потом мне стало жалко использовать кукол только как материал, и я стал оставлять их на полках» (Северная суб. газета. 2014. 10 янв.).

Особая ситуация возникает при метафорическом (переносном) употреблении существительных. Если перед нами «одушевленное» существительное, то оно используется для называния неодушевленного предмета или существительное «неодушевленное» – для называния одушевленного предмета, грамматическая форма существительного вступает в противоречие с его контекстным значением [5]. Появляется необходимость выбора, предписываемого существительным в его словарном значении и формой, обусловленной контекстом: «Карлика (звезду) может выдать его параллакс» (Знание – сила. 1977. 15 дек.); «Оказывается, такого великана (овощ), какой вырос у его мамы, еще никто не выращивал на своих грядках» (Народная газета. 2011. 29 окт.).

Однако появляется тенденция к отклонению от традиционной нормы. Названия лиц на *-тель* в метафорическом употреблении склоняются как одушевленные существительные [6]: «Ежегодно это мероприятие проводится 24 марта в ознаменование того, что в этот день в 1882 году доктор Роберт Кох открыл возбудителя болезни – туберкулезную бациллу. Это явилось первым шагом на пути диагностирования и лечения туберкулеза» (Тогучинская газета. 2012. 30 марта).

Необходимо указать трудные случаи, когда родительный и винительный падежи в значении объекта действия при переходных глаголах вызывают сложности в выборе той или иной формы. К.С. Горбачевич отмечает, что примерно до XVI–XVII вв. родительный преобладал и в конструкциях при отрицаниях, и был нормой: *Не хочет ти дати стола Володимирського; И не послуша казанцы совета доброго*. «Родительный при отрицании является древней и характерной чертой славянских языков. Во времена А.С. Пушкина было применимо грамматическое правило, сформулированное Ломоносовым: когда к глаголу “присовокупляется отрицательная частица *не*, винительный падеж обращается в родительный падеж – *не давай воли языку в пировании*”. Это правило переходило из грамматики в грамматику на протяжении всего XIX в.

Однако в речевой практике примерно с XVII в. и особенно в литературе XIX в. оно перестало соблюдаться» [7].

В начале XIX века количественно преобладал родительный падеж. Еще 150 лет назад А.С. Пушкин задавал вопрос – как лучше: «*Не могу ему простить справедливые насмешки*», или: «*Не могу ему простить справедливых насмешек*»? «Кажется, – рассуждал он, – что слова сии зависят не от глагола мог, управляемого частицей не, но от неопределенного склонения простить, требующего винительного падежа. Впрочем, Н.М. Карамзин пишет иначе».

Все же при всех сомнениях А.С. Пушкин в своих сочинениях следовал правилу и употреблял преимущественно родительный, а не винительный падеж. Другие же писатели – Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.Г. Короленко – со временем все больше употребляли формы винительного падежа. У Максима Горького они встречаются почти наравне с родительным. Грамматистам XX века ничего не оставалось, как признать допустимость употребления обоих падежей. Однако чтобы систематизировать материал, ими была предпринята попытка провести четкую границу в употреблении каждого из падежей. В настоящее время Академическая грамматика в качестве общего правила советует использовать по-прежнему родительный падеж. Винительный предпочитается тогда, когда речь идет об определенном предмете: «*не забудь чемодан*»; «*почему ты не выпил молоко?*». Или в том случае, когда имя существительное, называющее лицо или предмет, имеет определенное значение и не употребляется в форме родительного падежа со значением части: «*Райский пришел домой злой, не ужинал, не пошутил с Марфенькой, не подразнил бабушку и ушел к себе*» (Гончаров) [7].

Но первопричина грамматических «вольностей» находится глубже, чем это может показаться на первый взгляд. Употребление родительного падежа вместо винительного у различных групп существительных и в разных ситуациях приобретает в речи массовый характер. Очевидно, ошибка слишком типична для того, чтобы называться случайной. Знарок русского языка Л.В. Щерба говорил, что лингвист должен быть особенно внимателен к трудным случаям речевых употреблений; в кузнице «ошибок» и мнимых «неправильностей» создается язык завтрашнего дня [8]. Рассмотрим употребление нескольких пар родительного-винительного падежей при глаголах.

При глаголах, обозначающих стремление к достижению цели, мы можем констатировать как винительный, так и родительный падежи существительного. А именно, при глаголах *достичь/достигать, домогаться, жаждать, добиваться* используется только родительный падеж: «*Прокуратура будет добиваться смертной казни...*»; «*Учитывая довольно легкую победу сборной России в Москве, конечно, финны будут жаждать реванша*» (Спорт день за днем. 2013. 10 июня).

При глаголах *дождаться/дождаться*, *вымаливать*, *ждать*, *желать*, *искать*, *клянчить*, *ожидать*, *просить*, *спрашивать/спросить*, *требовать*, *хотеть* существительное может употребляться как в родительном, так и винительном падеже [3]. При этом винительный падеж используется для обозначения определенных, конкретных предметов, а родительный – при неопределенных предметах: «“Спартак” попросил помощи...» (Экспресс – новости. 2014. 4 дек.); «Пентагон просит больше денег на развитие системы противоракетной обороны» (Газета.ру. 2014. 7 февр.).

Таким образом, на примерах родительного и винительного падежей мы наблюдаем взаимодействие и борьбу в падежной системе современного русского языка.

Литература

1. Русская грамматика. М., 1980. Т. I.
2. Еленский И. Историческая лексикология русского языка. Велико Търново, 1980.
3. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. М., 2004.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1984.
5. Крысько В.Б. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
6. Кедайтене Е.И. История русского литературного языка: учеб. пособие. М., 1994.
7. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка: Пособие для учителей. М., 1978.
8. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.

*Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина*